

Нынешний наследный принц династии Даюй был старшим сыном императора. Прошло три года с тех пор, как он стал хозяином Восточного дворца. Его биологической матерью была Чэнь Гуйфэй, которая много лет управляла женской половиной императорского дворца*, и чье положение было равносильно положению второй императрицы. На этот раз, в ее сорокалетие, все благородные дамы отправятся во дворец, чтобы отдать дань уважения и преподнести свои подарки.

[Примечание: Дворцы, где живут императрица и наложницы.]

Управляющий хранилищем принес книгу и сказал: «Все вещи в резиденции подробно перечислены здесь. Как и велела мадам, прошу шаоцзюня выбрать подходящий подарок на день рождения».

Линь Циньюй мельком взглянул на него и спросил: «В книге, которую дала мне мадам, говорится, что Восточный дворец наградил мастера Хоу парой белых жуйи из нефрита „баранье сало“*. Почему его нет в хранилище?»

[Примечание: Нефрит „баранье сало“ — это разновидность высококачественного белого нефрита, а Жуйи — 玉玦 (gúyuè) жезл исполнения желаний. Анурубха — изогнутый жезл, с резьбой или инкрустацией. Жуи представляет собой церемониальный буддийский скипетр и считается талисманом-символом удачи в китайском фольклоре. Обычно жуйи имеют изогнутую (S-образную) форму с вершиной в виде цветов, облаков и грибов личжи (гриб бессмертия 灵芝). Некоторые навершия содержат изображения иероглифов, обозначающих удачу и счастье.]

Управляющий сказал: «Отвечая шаоцзюню, госпожа отправила эту пару нефритовых жуйи в резиденцию военного министра, чтобы поздравить его сына со свадьбой».

Линь Циньюй снова спросил: «А где тысячетный женьшень, подаренный Чэнь Гуйфэй?»

Управляющий улыбнулся и сказал: «Естественно, он был использован, чтобы поправить здоровье молодого мастера».

Линь Циньюй кивнул и сказал: «Я понимаю. Теперь ты можешь уйти. Завтра мадам войдет во дворец, к этому времени я приготовлю для нее подарок».

Единственное требование Лян Ши к подарку – чтобы он был равной ценности. Резиденция Наньань Хоу не может выказать недостаточно уважения к Чэнь Гуйфэй, но это не должно рассматриваться как попытка снискать ее расположение. Тем более, что резиденция Наньань Хоу и императрица были связаны через брак. Подобные обстоятельства делали все более и более деликатным.

У императрицы действительно был сын, который родился умственно неполноценным. Он не мог унаследовать трон, и даже не мог добиться благосклонности императора. Все это время он находился во временной императорской резиденции*. императрица всегда беспокоилась о своем сыне и, естественно, затаила обиду на эту пару матери и сына. Хотя императрица пользовалась гораздо меньшим расположением, чем Чэнь Гуйфэй, она все еще оставалась матерью страны. Делая подарок Чэнь Гуйфэй, резиденция Наньань Хоу должна помнить о чести дворца. Вся эта запутанная ситуация не поддавалась простому объяснению.

[Примечание: Там останавливается император, когда находится вдали от столицы.]

Линь Циньюй сначала выбрал партию подарков из списка и приказал слугам перенести их в Павильон Голубого Ветра, дабы он мог просмотреть и выбрать.

Лу Ваньчэн увидел, что комната была заполнена подарочными коробками всех размеров, и спросил: «Что это?»

Линь Циньюй сказал: «Кандидаты на подарок в день рождения Чэнь Гуйфэй».

«Чэнь Гуйфэй?»

У Лу Ваньчэна было редкое хмурое выражение лица, он спросил: «Императорская наложница – мать наследного принца?»

«Да, она».

Лицо Лу Ваньчэна слегка изменилось.

«Когда ты связался с Восточным дворцом?»

Линь Циньюй рассказал Лу Ваньчэну о том, как Лян Ши попросила его подготовить подарок. Лу Ваньчэн казался встревоженным и спросил: «Значит, ты не пойдешь во дворец и не увидишься с наследным принцем?»

«Нет, — подозрительно сказал Линь Циньюй. — Тебя никогда не волнуют другие вещи, но почему всякий раз, когда упоминается Восточный дворец, у тебя такая бурная реакция?»

Лу Ваньчэн на мгновение заколебался и улыбнулся.

«Это нынешний наследный принц, будущий император. Разве он не стоит моего не знающего меры внимания?»

Линь Цинюй сказал: «Императрица - твоя тетя и диму принца*. Глядя с этой точки зрения, то наследный принц твой старший двоюродный брат».

[Примечание: 正室 / dímǔ — главная жена отца, «матушка» в обращении детей младших жён или наложниц к главной жене отца. Все дети, рожденные в императорском гареме, считаются детьми императрицы.]

Лу Ваньчэн фыркнул: «Я не желаю, чтобы этот самый изворотливый из самых грязных людей в мире был моим старшим двоюродным братом».

На этом тема о Восточном дворце закончилась. Лу Ваньчэн был немного озабочен, но все же не забыл напомнить Линь Цинюй: «Поскольку Лян Ши осмеливается использовать подарок Чэнь Гуйфэй для создания проблемы, видимо, она чувствует, что время пришло».

Линь Цинюй кивнул.

«Не волнуйтесь, молодой мастер Хоу. У меня есть чувство меры».

На следующий день Лян Ши встала на час раньше обычного. Лю-момо ждала, пока мадам переоденется в придворную одежду, когда ее спросили: «В каком дворе мастер Хоу останавливался прошлой ночью?»

Лю-момо сказала: «Двор Пань Иньян».

Лицо Лян Ши помрачнело.

«Это снова она».

Лю-момо убеждала: «Пань Ши скромного происхождения, и даже ее живот не оправдал ожиданий. Она не стоит гнева мадам. Слишком много чести для такой как она».

«И то верно».

Лян Ши посмотрела на женщину в зеркале, все еще привлекательную, хотя и стареющую с годами. Она сказала: «Мастер Хоу скоро должен прийти на завтрак. Иди в Павильон Голубого Ветра и пригласи его сюда».

Независимо от того, во дворе какой наложницы Наньян Хоу оставался на ночь, на следующий день он всегда завтракал с женой и слушал, как она рассказывает о некоторых делах резиденции. Он не хотел вмешиваться в домашние дела, но, по крайней мере, должен быть в курсе происходящего.

«Во время трапезы Лян Ши упомянула о подарке Чэнь Гуйфэй, — сказал Наньань Хоу. — Это может показаться мелочью, но он имеет большое значение. Где подарок на день рождения, который вы приготовили? Покажите мне».

В это время вошел слуга и объявил: «Господин, госпожа, шаоцзюнь здесь».

Лян Ши с улыбкой сказала: «Говоря откровенно мастеру Хоу, есть много вещей, которые необходимо сделать, когда управляешь резиденцией. Годы берут свое, и неизбежно, что при всём желании я не в силах сделать все, что хотела бы. Я поручила Цинью позаботиться о некоторых вещах. На самом деле, некоторое время он заботился о счетах. Еще я поручила ему подготовить подарок на день рождения Чэнь Гуйфэй. Сейчас он здесь по этому поводу. До утреннего суда еще довольно много времени. Почему бы вам не остаться ненадолго и не посмотреть, что он приготовил?»

Наньань Хоу кивнул.

«Пусть он войдет».

Вошел Линь Цинью, за ним следовали Фэн Цинь и Хуань Тун. Один держал книгу, а другая — изысканную подарочную коробку. Он поздоровался в соответствии с правилами. Наньань Хоу посмотрел на подарочную коробку и сказал: «Это подарок, который ты приготовил для Чэнь Гуйфэй?»

«Да. Прошу мадам и мастера Хоу, пожалуйста, взглянуть».

Линь Цинью жестом показал, и Фэн Цинь подала подарочную коробку, ее руки слегка дрожали.

Глядя на форму подарочной коробки, могло показаться, что это что-то длинное. Наньань Хоу открыл коробку и взглянул. Это оказалась хорошо свернутая картина.

Наньань Хоу приказал кому-то развернуть картину. Его лицо внезапно изменилось, и он в гневе вскочил.

«Наглец!»

Лян Ши надавила на уголки губ. Она встала вместе с ним и недоверчиво сказала: «Эта картина была сделана мастером династии Шу пятьсот лет назад. Это фамильная реликвия, передающаяся в семье мастера Хоу. Как ты можешь взять ее в качестве подарка?!»

«Эта картина бесценна. Его величество очень любит эту картину. Он много раз приказывал мне принести эту картину во дворец, чтобы мы могли полюбоваться ею вместе. Именно из-за заботы, которую он проявляет к своим министрам, даже когда я предложил отдать картину в

качестве дани, он никогда не принимал этого. А теперь ты собирался отнести его Чэнь Гуйфэй – императорской наложнице, матери наследного принца!»

Наньань Хоу ударил кулаком по столу. Вне себя от ярости он сказал: «Его величество ничего так не боится, как того, что министры слишком сблизятся с наследным принцем. Ты прекрасно знаешь, какую катастрофу чуть не вызвал!»

Линь Цинъюй отвел взгляд и сказал: «Цинъюй не посмел бы».

«Ты бы не посмел?» — Наньань Хоу уже был в ярости.

«Кто не знает, что сын Пань Юаня из Императорской лечебницы несравненно проницателен и исключительно умен? Я думаю, что ты сделал это намеренно, чтобы подвергнуть резиденцию Наньань Хоу опасности!»

Испугавшись того, что могло произойти, Лян Ши сказала: «К счастью, мастер Хоу посмотрел на подарок заранее. В противном случае, в будущем, если Его величество увидит эту картину у Чэнь Гуйфэй... Кто знает, какие у него возникнут подозрения относительно отношений мастера Хоу и наследного принца».

Лян Ши взглянула на Лю-момо, давая ей понять, что пришло время добавить масло и уксус*, как она обычно делала. Неожиданно лицо Лю-момо стало обеспокоенным. Ее фигура и поза были крайне уродливы. Лян Ши тихо спросила: «Что с тобой?»

[Примечание: Добавлять детали, рассказывая историю, чтобы сделать ее более интересной; в этой ситуации — подлить больше масла в огонь.]

Лю-момо прошептала: «Мне кажется, меня укусило какое-то насекомое, и мое тело невыносимо чешется».

Как это могло сравниться с критическим моментом, с которым они столкнулись? Лян Ши недовольно сказала: «Мастер Хоу все еще здесь. Обрати внимание на правила приличия».

Лю-момо заставила себя терпеть.

«Да».

Линь Цинъюй спокойно сказал: «Мастер Хоу, я уже вошел в резиденцию Хоу. Для меня нет возможности для отступления. Если с резиденцией Наньань Хоу случится несчастье, мне будет трудно избежать ответственности. Причина, по которой я выбрал эту картину, заключается в приказе мадам».

Глаза Лян Ши расширились, и она воскликнула: «О какой чепухе ты говоришь!»

«Именно мадам сказала, что подарок, который должен быть вручен Чэнь Гуйфэй, должен иметь равную ценность с наградами, которые она даровала».

Хотя Наньань Хоу и Лян Ши не были супругами в первом браке, они уже много лет делят одну постель. Линь Цинъюй был просто супругой-мужчиной сына, с которым он редко виделся. В этот момент он, естественно, поверил Лян Ши.

«Ее слова правильны. Тебе действительно нужно только подготовить подарок равной ценности. Но что сделал ты?!»

Линь Цинъюй сказал: «Наследный принц однажды подарил мастеру Хоу пару белых жуйи из нефрита „баранье сало“. Это реликвия предыдущей династии, и их можно считать бесценными. Их ценность равна этой картине».

«Какой белый нефрит „баранье сало“? — строго спросил Наньань Хоу. — Его высочество наследный принц никогда не дарил мне ничего подобного».

Лян Ши напряженно думала.

«Я тоже ничего такого не помню».

Линь Цинъюй нахмурился.

«Он не делал этого? Но это было написано в книге, которую дала мне мадам».

«Хуань Тун».

Хуань Тун представил книгу. Наньань Хоу быстро просмотрел написанное, и его глаза стали холоднее. Он бросил книгу Линь Цинъюй.

«Посмотри сам. Где тот белый нефрит „баранье сало“, о котором ты говорил!»

Линь Цинъюй наклонил голову, чтобы уклониться. Он подобрал книгу и пролистал ее.

«Действительно... его здесь нет».

Наньань Хоу указал на Линь Цинъюй и сказал: «Что еще ты можешь сказать?!»

Лю-момо все еще боролась с ненормальностью своего тела и не могла вымолвить ни слова. У Лян Ши не было другого выбора, кроме как самой сказать: «Цинюй, что с тобой происходит? Ты дважды терял страницы бухгалтерской книги, и сегодня... Ох».

Наньань Хоу сказал: «Бухгалтерская книга? Какая бухгалтерская книга?»

Лян Ши сказала: «Это не имеет большого значения. Мастеру Хоу нет необходимости беспокоиться».

«Скажи мне!»

У Лян Ши не было другого выбора. Она была вынуждена рассказать ему все, что касалось бухгалтерских книг.

Наньань Хоу пришел в еще большую ярость, когда услышал это. Он решил, что Линь Цинюй сделал все намеренно.

«Принесите мне орудие для наказания!»

Линь Цинюй обвел всех взглядом и медленно заговорил: «В книге нет белого жуйи из нефрита „баранье сало“, но я отчетливо помню, что он был. Как это случилось? Я также помню, что ни в одной из двух бухгалтерских книг не пропало ни одной страницы, но, когда их вернули мадам, в каждой из них не хватало по странице. Почему так?»

Лян Ши выпалила: «Естественно, это из-за твоего самодовольного и неправильного отношения».

«Мое самодовольное и неправильное отношение? — Линь Цинюй мягко улыбнулся и сказал: — Может быть, кто-то намеренно забрал эти страницы?»

«Цинюй, при таких обстоятельствах ты все еще хочешь впутать в это дело других? — Лян Ши покачала головой. — С таким плохим характером ты недостоин Ваньчэна, не говоря уже о статусе шаоцзюня из резиденции Хоу!»

Как только она закончила произносить эти слова, послышался глухой стук. Стоявшая в стороне Лю-момо внезапно упала. Обезумевшая женщина корчилась на земле, рвала на себе одежду, из ее рта вырывался бессознательное бормотание. Это было ужасно страшно.

Прежде чем кто-либо успел среагировать, Фэн Цинь позади Линь Цинюй тоже упала, подергиваясь. В конце концов, она была девушкой, и прикусила губу, изо всех сил стараясь удержаться от того, чтобы не разрывать одежду. Однако она продолжала ударяться головой о землю. Бум-бум-бум - как похоронный звон, торопящий ее к смерти.

Все присутствующие были ужасно напуганы. Несколько служанок закричали от страха. Лян Ши, которая была ближе всех к Лю-момо, замерла и даже не могла пошевелиться. Она протянула руку и в ужасе сказала: «Ма-мастер Хоу...»

Линь Цинъюй сказал: «Страницы бухгалтерской книги и книги учета подарков пропали в Павильоне Голубого Ветра. Поэтому, естественно, это сделал кто-то из Павильона Голубого Ветра. Чтобы поймать этого человека, молодой мастер Хоу приказал мне нанести особый тип яда на страницу, на которой было написано о белых жуйи из нефрита „баранье сало“. Как только кожа соприкоснется с этим ядом, все тело будет зудеть и покроется язвами. Хотя это не представляет угрозы для жизни, но любой пожелает умереть, чем так мучиться. До этого я неоднократно предупреждал слуг, чтобы они не прикасались к присланной мадам книге. Следовало ожидать, что кто-то из Павильона Голубого Ветра был отравлен. — Линь Цинъюй сделал паузу и быстро взглянул на Лян Ши. — Но я не ожидал, что Лю-момо, самая доверенная помощница мадам, также будет отравлена».

Наньань Хоу был мудрым человеком. Связывая воедино предыдущие «совпадения», он уже все понял. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Лян Ши.

Лян Ши ошеломленно сказала: «Мастер Хоу, я ничего не знаю. Я не знаю, что происходит...»

В отчаянии придумав план, она ответила встречным обвинением: «Линь Ши, должно быть, намеренно отравил их, чтобы подставить меня! Линь Ши, как ты мог меня подвести! Ты использовал подобные жестокости!»

Линь Цинъюй усмехнулся. Он подошел к Фэн Цинь и, глядя на нее сверху вниз, спросил: «Это невыносимо, не так ли?»

Фэн Цинь до крови прокусила губы. Она изо всех сил пыталась сказать: «Шао-шаоцзюнь, пожалуйста...»

«Я могу дать вам обеим противоядие, но я хочу знать, где находятся эти пропавшие страницы, ты понимаешь?»

Лю-момо уже изодрала рукава в клочья, обнажив большую часть рук, покрытых язвами. Это было ужасное зрелище, и от него маленькую служанку, которая это увидела, стошнило. Когда она услышала слово «противоядие», она не могла сосредоточиться ни на чем другом.

«Мадам... Мадам велела мне сжечь их...»

Лян Ши покачала головой, все еще бормоча: «Нет, мастер Хоу! Я не... Линь Ши, это... Это признание под пыткой! Вы не можете им поверить, мастер Хоу!»

Линь Цинъюй сказал: «Если мастер Хоу не убежден, вы можете задать вопрос управляющему

Вану из бухгалтерии. Его еще не отравили, и он в здравом рассудке. С помощью честных и справедливых методов мастера Хоу вы, несомненно, сможете узнать правду».

Наньань Хоу закрыл глаза и сказал: «Утащите этих сумасшедших женщин».

Когда Фэн Цинь и Лю-момо увели, в комнате воцарилась тишина. Слуги боялись даже слишком громко дышать. Пока управляющий резиденцией Хоу не напомнил: «Мастер Хоу, вам следует отправиться в суд... И... Мадам тоже следует отправиться во дворец».

После такого переполоха узел волос Лян Ши рассыпался, а ее макияж тоже был испорчен. Хозяйка дома выглядела очень жалко, она потеряла лицо.

Наньань Хоу сказал тихим голосом: «Быстро иди и приведи себя в порядок. Выбери подарок для Чэнь Гуйфэй. Что касается остального, мы поговорим об этом, когда я вернусь домой», - сказав это, он ушел.

Вернувшись из дворца, Наньань Хоу лично и конфиденциально допросил управляющего Вана из бухгалтерии. Никто не знал всех фактов и того, что произошло на самом деле. Обитатели резиденции знали только, что мадам всю ночь стояла на коленях в зале предков, а на следующий день заболела. Чтобы позволить ей оправиться от болезни, мастер передал дела резиденции Линь Ши шаоцзюню и Пань Ши Иньянь.

Результаты не сильно отличались от того, что ожидал Линь Циньюй. Наньань Хоу придавал особое значение репутации, а Лян Ши была его женой. Очевидно, он ничего с ней не сделает. Но все знали, что власть в резиденции Хоу вот-вот перейдет в другие руки.

После этого инцидента тело Лу Ваньчэна постепенно восстановилось, вернувшись к тому состоянию, когда он мог вставать с постели. Лекарство, которое он пил каждый день, также изменилось. Хуа Лу подала отвар, понюхав его, Лу Ваньчэн понял, что это не его обычное лекарство.

«Лекарь Чжан изменил рецепт?»

Хуа Лу ответила: «Нет, это лекарство шаоцзюня».

Услышав эти слова, Лу Ваньчэн внезапно выплюнул лекарство, которое только что глотнул.

Пфф!

Линь Циньюй вошел в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть эту сцену. Смеясь, он сказал: «Ты больше не можешь даже пить лекарства?»

У Лу Ваньчэна случился приступ кашля, а Хуа Лу снова была занята уборкой. Слова Линь Циньюй никогда не были милосердными, но он подошел к кровати и сел, успокаивающе поглаживая Лу Ваньчэна по спине.

От его тела Лу Ваньчэн снова почувствовал очень слабый запах чернил на рисовой бумаге, смешанный с ароматом лекарств. Он казался персонажем, вышедшим из книги о бессмертных, мастером лекарств.

Поскольку Лу Ваньчэн был слишком ленив. Слишком ленив, чтобы что-то делать. Слишком ленив так что, когда он что-то делает, то часто впадает в оцепенение и наблюдает за окружающими его людьми. Он овладел способностью взвешивать слова человека и наблюдать за выражением его лица. Например, сейчас он чувствовал, что Линь Циньюй в плохом настроении. Ощущение холода, окружающего все его тело, могло заставить людей держаться на почтительном расстоянии*.

[Примечание: 三三三 / tuì bì sān shè отвести войска на 3 перехода. В образном значении: держаться на почтительном расстоянии; уступать, давать дорогу; идти на уступки, отступить, отступиться. Отступать назад; удаляться; отстраняться; убежать подальше. Отвести войска на расстояние трех переходов; уступать, давая дорогу; пойти на уступки; держаться на почтительном расстоянии.]

Он не осмеливался быть опрометчивым, так что осторожно спросил: «Циньюй, почему ты изменил мое лекарство?»

Линь Циньюй легко сказал: «Как ты думаешь, почему?»

Лу Ваньчэн махнул Хуа Лу, чтобы та удалилась. Затем с легкой улыбкой он спросил: «Ты думаешь, я не тороплюсь упасть замертво?»

Линь Циньюй усмехнулся и сказал: «Да».

Лу Ваньчэн издал «О!» и взял чашу с лекарством, выпив все лекарство, которое в ней было.

Брови Линь Циньюй слегка нахмурились.

«И зачем ты это сделал?»

Лу Ваньчэн облизнул уголки губ и сказал: «Если бы ты действительно хотел отравить меня, ты бы не стал так долго ждать, не говоря уже о том, чтобы сообщить Хуа Лу об изменении рецепта. Ты думаешь, что рецепт лекаря Чжана никуда не годится, поэтому изменил его на лучший».

Линь Циньюй внезапно встал, сказав: «Ты думаешь, что ты такой умный. Пей, если хочешь; не

пей, если не хочешь».

Лу Ваньчэн схватил его за подол одежды, чтобы не дать ему уйти.

«Ты все сильнее и сильнее злишься?»

«Нет, когда я вижу тебя, у меня портится настроение, вот и все».

Лу Ваньчэн серьезно задумался о том, что он сделал недавно. Невинный и смущенный, он спросил: «Что я сделал не так?»

Линь Цинъюй молчал, размышляя.

Лу Ваньчэн был прав. Он никогда не говорил, что хочет жить дольше. То, что в этом году он не сможет принять участие в экзамене Императорской медицинской канцелярии, лишь результат того, что на мгновение его охватил приступ мягкосердечия и глупости.

Но если он пропустит экзамен в этом году, то все равно сможет сдать его через три года. Но у Лу Ваньчэна оставалось совсем немного времени. Когда человек умирает, от него ничего не остается.

Голос Линь Цинъюй немного смягчился: «Этот рецепт дал мой отец. Я внес улучшения в соответствии с твоей ситуацией. Это не может спасти твою жизнь, но может на полгода продлить жизнь и сделать твои последние дни менее болезненными. Когда придет время... Ты не будешь таким жалким».

Он встречал многих людей, оказавшихся на грани смерти из-за болезни. Независимо от того, сколько достоинства у них было раньше, когда приходило время конца, никто из них не был красив. Они не могли самостоятельно выполнять свою повседневную деятельность. Им приходилось во всем полагаться на других; одни кожа да кости; мрачные лица - и так вплоть до самой смерти.

Такие люди, как Лу Ваньчэн, не должны так мучительно, капля за каплей, терять свою жизненную силу.

Однако Лу Ваньчэну было все равно, умрет он в муках или нет.

«Ты сказал... Я проживу на полгода дольше?»

Линь Цинъюй опустил глаза, не глядя на него.

«Да».

Глаза Лу Ваньчэна слегка дрогнули. Его кадык дернулся.

«Цинюй», — он позвал по имени и замолчал, это заставило Линь Цинюй почувствовать себя неловко.

Линь Цинюй сказал: «Не пойми меня неправильно. Человеческая жизнь — это самое важное. Добродетель спасения жизни стоит больше тысячи золотых*». Поскольку я занимаюсь медициной, я не могу стоять в стороне и смотреть, как умирают невинные, не пытаюсь их спасти».

[Примечание: Из «Тысяча золотых рецептов» Сунь Сямьо, 581-682 гг., врач, живший при династии Суй и Тан.]

Когда Лу Ваньчэн заговорил снова, его голос был немного приглушенным: «Но ты не можешь спасти меня».

«Я знаю. Но до тех пор, пока я буду стараться изо всех сил, в будущем у меня будет чистая совесть».

Лу Ваньчэн рассмеялся, его губы слегка изогнулись. Его глаза были яркими, даже красивыми, но слова, которые он произнес, все еще приводили в бешенство: «Ой-ой! Неужели жестокосердный и беспощадный красавчик изменил свой характер ради меня?»

Линь Цинюй не смог скрыть своего презрения и отказался уступить: «Молодой мастер Хоу действительно слишком высокого мнения о себе».

Лу Ваньчэн выпрямился, наклонился к уху Линь Цинюй и тихо сказал: «Цинюй, спасибо».

Линь Цинюй не привык, чтобы к нему так внезапно приближались. Выражение его лица, холодного, как сосульки под карнизом, едва удалось сохранить, когда он сказал: «Это лекарство, ты выпьешь его или нет?»

«Если я не выпью его, не предам ли я твои добрые намерения? Кстати, — Лу Ваньчэн, казалось, подумал о чем-то важном, — если я выпью это лекарство, то смогу носить тебя на руках?»

Линь Цинюй не понимал, почему Лу Ваньчэн так сильно волновал этот вопрос. Он слегка приподнял брови: «Ты действительно хочешь носить меня на руках?»

Лу Ваньчэн кивнул.

«Я действительно хочу».

Губы Линь Цинюй насмешливо изогнулись.

«Ты должен просто отказаться от этой идеи. В этой жизни для тебя это невозможно».

Лу Ваньчэн поднял чашу с лекарством, шепча тихим голосом: «...Тогда какого черта я вообще это пью?»

Автору есть что сказать:

Молодой мастер Хоу: В следующей жизни я буду не только обнимать тебя, но носить на руках, черт побери!

<http://bllate.org/book/15122/1336631>